

Серия «Легенда 10003»

Мария Ильинская

Москва

2021 года

Вступительное слово

К серии публикаций интересных материалов из архива легендарной войсковой части 10003

Прошло уже достаточно много времени для того, чтобы без риска покуситься на секреты, сопровождающие всю деятельность коллектива войсковой части 10003, можно было бы обнародовать наиболее интересные моменты и истории, связанные с необычными темами, возникающими во время работы команды генерала А.Ю. Савина.

Какие-то вещи вызывают познавательный интерес, что-то поражает, а о каких-то вопросах мы просто ранее и не задумывались. И остается только удивляться тому, как коллектив, пусть очень талантливых людей, но немногочисленный и обремененный своими служебными функциями, находил в себе силы, энергию и высокий интеллектуальный ресурс, чтобы войти в темы, находящиеся порой за пределами человеческого понимания.

Именно об этих темах и хочется поговорить и поделиться своими соображениями.

Что очень важно, так это полная поддержка командира в/ч 10003 большинства начинаний, с которыми сотрудники приходили к нему со своими идеями, наработками, выводами и предложениями. И многие из этих начинаний находили отзвуки в решениях высокообразованных тогдашних руководителей Генерального штаба. Наверное, поэтому неординарные люди команды Савина смогли организовать и реализовать многие проекты и программы, находящиеся порой вне научных представлений.

Причем эти программы выполнялись нередко исключительно в инициативном порядке, без финансирования со стороны военных. Но жажда познания, открытия нового и неизведанного оказали такое мощное стимулирующее влияние, какое возникает лишь у единомышленников, сплоченных общими идеями и наделенными талантом творить и гореть при достижении научных и практических целей. И поэтому этому коллективу оказались под силу не только гениальные организационные, но и творческие решения.

В своих повествованиях мы коснемся не только каких-то интересных научных вопросов, но и эпизодов, непосредственно связанных с деятельностью команды 10003 в Генеральном штабе и в боевых условиях.

Ну а сегодня мы начнем с командира войсковой части 10003, бессменно руководящего этим военным образованием с момента его создания и до расформирования по велению тогдашних «жрецов» от руководящей власти. Почему «жрецов»? А потому, что лица, принявшие это решение, толком и не знали о работах незаурядного коллектива, как потом оказалось, легендарной в/ч 10003. Выходит, что они опирались чисто на свою интуицию, наверное, находясь в паранормальном трансе. Иначе в глубины работы этой войсковой части со стороны и не зайдешь.

Итак, начинаем с командира – генерал-лейтенанта Савина Алексея Юрьевича.

Краткая биографическая сводка гласит: «Родился в Москве, высшее образование получил в Черноморском Высшем Военно-Морском училище им. П.С. Нахимова – инженер по электрорадиотехнике. После окончания училища 16 лет работал в одном из крупнейших в стране научно-исследовательском институте, приобретая разноплановые знания в области вооружения и научно-методический опыт в организации крупных и

масштабных исследований с участием многих организаций оборонных отраслей.

Далее последовал перевод в Центральный аппарат Министерства обороны Советского Союза – в аналитический отдел, а в 1989 году был назначен командиром войсковой части 10003 Генерального штаба Вооруженных Сил страны.

Участник боевых действий, заслуженный военный специалист, доктор технических и философских наук. Почетный доктор Европейского университета. Почетный ученый Европы.

Учитывая, что довольно-таки полная информация о Савине имеется в Интернете, меня интересовали подробности его службы и деятельности коллектива в/в 10003, не известные широкому кругу людей, не посвященных ранее в нюансы службы как самого командира, так и его неординарной команды.

Поэтому при первой же с ним встрече я задала вопрос: «Как все начиналось и как служилось в Генеральном штабе?» Тем более, что о людях этого «мозга» наших Вооруженных Сил информации очень мало, а о самой этой могучей организации не написано почти ничего.

Понимая, что в двух словах всего не расскажешь, я настроилась на монолог со стороны моего собеседника и погрузилась в его повествование:

«В научно-исследовательском институте я проработал 16 лет, закончил аспирантуру по кафедре системного анализа (теория вероятностей, теория игр, исследование операций, анализ больших систем и др.), написал ряд научных работ по развитию боевой авиации. Однако сразу защитить диссертацию мне не удалось, так как я принял предложение занять должность старшего офицера Управления вооружения Министерства обороны СССР. Конечно, было жалко уходить из военного представительства и института, к

которым я «прикипел» всей душой, и к тому же понимал, что в другом месте такого созвездия талантов я не найду. Но я, ощущая открывающуюся перед собой новую перспективу, перешёл на другое место службы.

Было бы несправедливым, если бы я не остановился несколько подробнее на своей работе в Управлении вооружения Министерства обороны СССР. В то время его возглавлял любимец министра обороны маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова генерал армии Виталий Михайлович Шабанов. Прежде чем занять этот пост В.М. Шабанов работал заместителем министра радиоэлектронной промышленности СССР.

Это был грамотный и весьма одарённый человек. Его редкая эрудиция, помноженная на опыт работы в промышленности на постах главного конструктора сложнейших оборонительных систем и заместителя министра, фантастическое чувство новизны и основательность при принятии решений делали его исторически значимой фигурой в области создания вооружений и военной техники. Ни до него, ни после фигур, близких к Шабанову по своим профессиональным качествам и природной одарённости, не было. Скорее всего, феномен Шабанова – редкое явление, которое можно наблюдать не каждое столетие. Подстать себе он подобрал и окружение.

Среди всех генералов и офицеров, входивших в «гвардию» В. Шабанова, особо выделялся капитан первого ранга Анатолий Шурыгин. Это был образцовый офицер. Выдержанность, чёткость,

аккуратность, мужество, великолепная эрудиция и воспитанность сразу бросались в глаза при первом же с ним знакомстве. Незаурядные аналитические способности, научная и инженерная интуиция делали его незаменимым особенно при решении самых сложных задач, требующих гениальных прозрений.

В середине восьмидесятых годов Шурыгину было поручено сформировать особую аналитическую группу из пятнадцати человек, которая бы работала непосредственно с генералом В. Шабановым. Это был своеобразный аналитический центр при крупном руководителе, который выступал в роли основного интеллектуального звена всей службы вооружения.

Отбор в эту группу был самым тщательным и строгим. Попасть туда было не только очень престижно, но и перспективно. Шурыгин, ощущая свою интеллектуальную силу и высокие организаторские способности, не боялся брать в свою команду самых незаурядных людей. К моему некоторому удивлению в один из вечеров Анатолий Анатольевич Шурыгин позвонил мне домой и предложил место в своей группе. Я не кокетничал и сразу согласился.

В итоге в результате выверенной и ответственной селекции был сформирован мощный по своему потенциалу коллектив талантливых людей, способных как к самостоятельным действиям, так и к работе в команде.

За работу мы взялись сразу, без всякой раскачки. Мои коллеги были очень организованными и знающими людьми. Их здоровое тщеславие и стремление не упасть прилюдно в грязь лицом (за нами наблюдали, и не без пристрастия, практически все сотрудники Управления вооружения и коллеги из других структур Министерства обороны) заставляли выполнять ответственную и напряжённую работу не только без надрыва, но даже с некоторым изяществом. Несмотря на то, что я был самым молодым в этом

коллективе, робости не ощущал никакой. Во-первых, уровень моей подготовки давал основания чувствовать себя наравне с теми суперпрофи, которых собрал под свои знамёна командир. А во-вторых, мои коллеги щедро делились со мной своим опытом, наблюдениями, идеями и знаниями. Вопреки моим начальным опасениям, что огромный объём работы и нетипичной для меня круг обязанностей по обеспечению политической деятельности нашего высокого шефа будут забирать у меня всю энергию и силы, работалось мне легко и в охотку. А к тому же практически мгновенно у меня установились контакты с моим товарищем по кабинету Вячеславом Прокофьевым и, конечно же, с Анатолием Анатольевичем Шурыгиным. Судя по аттестациям, моё командование было мной довольно, и я рассчитывал ещё долго прослужить в этом уникальном коллективе. Однако судьба распорядилась по-своему, делегировав меня в Генштаб на новые испытания и свершения.

Через два года после назначения в аналитическую группу во время одного из докладов начальнику Генерального штаба Вооружённых Сил СССР я был назначен командиром получившей позже большую известность в нашей стране войсковой части 10003.

С помощью начальника управления кадров генштаба мне удалось очень быстро сформировать боеспособную команду, и мы приступили к выполнению своих обязанностей уже через неделю после моего назначения. В активном старте мне охотно помогали генералы Г. Бурутин, Ф. Марковский, С. Карпов и А. Криволапов – столпы всего коллектива генштаба, мудрые и требовательные руководители своих подразделений. Охотно проводили меня по лабиринтам внутренних политических хитросплетений офицеры, генералы и служащие секретариата начальника Генштаба.

Позже великолепное взаимодействие и личная дружба у меня сложились с первым заместителем начальника Генерального штаба – Барынькиным Виктором Михайловичем.

Этот одаренный, опытный и умный генерал много сделал для нашего развития и укрепления авторитета.

Большие университеты я прошёл, общаясь с крупными военачальниками из группы генеральных инспекторов. Мой кабинет находился в окружении их приёмных и рабочих комнат, и я старался не упускать возможности общения с людьми до недавнего времени возглавлявшими советские Вооружённые Силы и определяющими военную политику государства. Особенно я любил общаться с Маршалом Советского Союза Николаем Васильевичем Огарковым – начальником Генерального штаба в 1977-1984 гг.

Этот удивительно эрудированный человек обладал к тому же даром педагога и блестящего методиста. Поэтому его лекции-беседы, которыми он охотно делился со мной, носили характер не только военно-жизетейской школы, но и академии системного мышления в военном деле. Я обладал жаждой познания, перечитал много книг по военному искусству, военной истории, а также мемуарную литературу. Но то, что мне дал маршал Огарков, в книгах не найдёшь. Основы стратегического видения я впитывал, забывая о времени и состоянии здоровья своего учителя. Николай Васильевич тяжело болел, и наши встречи не были такими частыми, как хотелось бы. Но хотя бы раз в две недели нам удавалось видетсья и общаться. И в эти часы и минуты фантастическая память и образованность маршала держали меня в напряжении ученического творчества и страстного желания ничего не упустить и не потерять мысль во

время записи великолепных лекций. После смерти Николая Васильевича я занял его кабинет и ещё долго ощущал его невидимое присутствие не только в виде нетронутой мной обстановки помещения, но и в подсознании, особенно когда приходилось решать непростые вопросы, связанные со сложной деятельностью в стенах Генерального штаба.

Скажу честно, что с первых же дней пребывания в Генеральном штабе я с большим энтузиазмом взялся за свою работу. Сомнений в успехе у меня не было, но постоянно давил груз ответственности за вверенное дело и ощущался повышенный интерес со стороны руководства Генерального штаба, партийных и государственных руководителей страны. Со многими из крупных руководителей у меня впоследствии сложились дружеские отношения, которые способствовали решению организационных и научных задач.

Нашу программу мы назвали «Программой развития скрытых сверхвозможностей и способностей человека».

Кое-кому эта программа вначале показалась слишком амбициозной, но практика показала справедливость наших притязаний.

Нам хотелось наделить наших обучаемых необыкновенными возможностями ума, когда человек способен запоминать большой объём информации, оперировать в уме большими числами и информационными потоками, раскрыть в человеке незаурядный творческий потенциал – широту и разнообразность в творческих возможностях личности. Мы рассчитывали наделить человека высочайшей работоспособностью и уникальными возможностями тела, позволяющими выдерживать экстремальные условия и механические воздействия без ущерба для здоровья. Мы стремились развить возможности и способности человека, заложенные в него природой, до феноменального уровня.

В основном эта сфера моей деятельности была доминирующей во время всей моей службы в Генштабе. При её решении нам удалось выйти на лидирующие позиции в мировом опыте, а также наладить школу подготовки «гроссмейстеров» управления и интеллекта.

Большое внимание было посвящено разработке программ, имитирующих интеллектуальное противоборство отдельных лиц или групп людей при решении ими задач различной направленности и сложности.

Высокий уровень профессиональной подготовленности и неиссякаемый энтузиазм моих сотрудников позволили в короткое время разработать программы обучения и уже в 1990 году приступить к апробации собранных методов в комплексе.

Параллельно мы искали прорывные направления в области создания новых видов вооружения. Мы наладили патентный поиск, через министерство образования получили доступ ко всем квалификационным научным работам, как-то: научным отчётам, рефератам и диссертациям на соискание научных степеней кандидатов и докторов наук, был создан ряд научных советов по направлениям нашей ответственности. Через руководство Министерства иностранных дел СССР мы получили возможность приоритетного посещения всех международных выставок, проводимых в нашей стране, а также право детального ознакомления с материалами, проспектами и рекламной продукцией, представляемой на эти выставки их участниками.

При подготовке своих предложений в Программы вооружений мы опирались на проработки учёных оборонной промышленности, Академии наук, Высшей школы. Хороший рабочий контакт установился с головными экономическими институтами министерств оборонных отраслей.

В 1990 году мы на базе Военно-Воздушной академии им. Ю.А. Гагарина организовали и провели масштабную выставку наших наработок, которую посетили руководители министерства обороны, представители Главных штабов Видов Вооружённых Сил, а также наши кураторы из ЦК КПСС. Выставка имела большой успех и открыла нам путь к дальнейшим разработкам в области новых вооружений и технологий.

Надо сказать, что поддержка авиаторов во главе с Главнокомандующим ВВС генералом армии П.С. Дейнекиным позволила нам существенно приумножить свой интеллектуальный и политический потенциал и смело посягнуть на решение проблем, носящих сложный теоретический и практический характер. Сам же Пётр Степанович Дейнекин был частым гостем нашего подразделения и очень внимательно знакомился с работами, препровождая свой анализ практическими рекомендациями.

Этот умный, гордый, мужественный, честный и прозорливый человек оказался настоящим другом и соратником, что неоднократно проявлялось во времена тяжёлых испытаний в «горячих точках».

Справедливости ради следует сказать, что путь к достижению успеха не был безоблачным, и порой судьба ставила перед нами такие проблемы, что только умение моего коллектива делать невозможное позволяла нам достойно выходить из самых тяжёлых ситуаций. В основном это было связано с раскрытием преступлений, разработкой прогнозов политической и экономической обстановки, определением нетрадиционными способами личных качеств людей, попавших в сферу внимания спецслужб и правоохранительных органов. Эти и многие аналогичные задачи не входили в наши прямые

обязанности, но с нас был самый строгий спрос, так как начальство справедливо считало, что я собрал под свои знамёна людей, наделённых чудодейственными способностями. Поскольку цена ошибки была очень высока, то подобная работа отнимала очень много психических сил и энергии.

Первое время сказывался и дефицит контактов. В Генеральный штаб мы пришли из довольно-таки узкой сферы военного строительства, и наши связи ограничивались вооруженческой кооперацией. Я пошёл по традиционному для того времени пути. Сначала откровенно поделился проблемами и своими соображениями с секретарём партийной организации Генштаба. Потом обратился за помощью в военную контрразведку. На что я рассчитывал, сам объяснить не могу до сих пор. Скорее всего, я подсознательно чувствовал, что в этих кабинетах можно не только получить информацию об офицерах и генералах, контакт с которыми требовала моя работа, но и начать свои знакомства, опираясь на рекомендации политактива Минобороны и руководства КГБ.

Эти люди неожиданно приветливо приняли меня, и вскоре мы получили реальные подтверждения их поддержки. Особенно важно было установление контактов с руководством КГБ, в чьём ведении были разработки по новейшим технологиям.

Я познакомился с заместителем Председателя КГБ генералом Н.А. Шапом, с которым мы впоследствии сдружились и организовывали работы по ряду совместных проектов.

О нашей совместной деятельности в интересах народного хозяйства Н.А. Шам всегда

отзывался положительно и считал нашу работу весьма перспективной. В одном из своих интервью «Российской газете» он говорил:

РГ: А участвовал ли КГБ в реализации прорывных технологий?

Шам: Участвовал, и весьма успешно, причём чисто по-чекистски. Понятно, что прежде чем что-то внедрять в производство, необходимо убедиться в верности предлагаемых решений, провести необходимый цикл научно-исследовательских работ. В условиях строго централизованной и плановой системы такие исследования требовали множества согласований и могли длиться годами. А у нас, если вспомнить те годы, времени не было. Тогда в рамках нашего управления мы разработали и провели настоящую спецоперацию, реализовав те возможности, которые давал Комитет.

В 1989 году, при поддержке тогдашнего начальника Генштаба генерала армии Михаила Моисеева, в структуре Минобороны сформировали секретную воинскую часть (в/ч 10003 – прим. автора), которая, фактически, являлась очень мощной научно-исследовательской лабораторией...

РГ: А почему вы обосновались в военном ведомстве?

Шам: По трём причинам. Во-первых, начальник Генштаба нас понял и пустил, образно говоря, на свою территорию. Во-вторых, обеспечивалась полная закрытость работ без всякой связи с КГБ, что было очень важно. В-третьих, - многие проверяемые технологии имели двойное назначение. Ряд исследований, будь они доведены до конца, обеспечили бы СССР такое стратегическое превосходство, которое не могли дать даже части РВСН и атомные ракетоносцы при совершенно несопоставимых затратах.

РГ: Если покопаться в Интернете, можно найти информацию о той секретной воинской части. И она, честно сказать, носит почти скандальный характер. Будто бы под крышей Генштаба при попустительстве Моисеева собрались авантюристы и шарлатаны, всевозможные астрологи, экстрасенсы, колдуны...

Шам: Многие наши исследования и практические разработки действительно не укладывались в зашоренном сознании иных чиновников. Словно в дремучем средневековье на специалистов, работавших в той части, действительно показывали пальцем и говорили: этим алхимикам, наверное, помогает нечистая сила. Бред полный, но разговоры о колдунах-шарлатанах, занятых, будто бы, поисками философского камня, действительно шли.

РГ: А можно ли привести пример того, что давало повод обвинять учёных, работавших в лаборатории, в мракобесии?

Шам: Была испытана методика очистки водоёмов при помощи специального генератора неких излучений. Без всяких химикатов и сорбентов огромные объёмы воды, буквально на глазах, очищались от самых токсичных примесей. Вода, чёрная от мазута и насыщенная диоксинами, становилась абсолютно прозрачной и пригодной для питья, а по вкусу - почти родниковой. Экология водоёмов - проблема глобальная. И если бы Советский Союз официально заявил, что владеет технологией нехимической очистки воды на планете, и стал бы эту технологию активно применять, наверное, не нашлось бы желающих Союз уничтожить.

Ведь другая сторона такой очистки - способность сделать на определённое время непригодной для питья воду на территории противника без всякого её отравления. Апокалиптическая картина! И я лично был свидетелем её возможной реализации. Фактически, СССР получал абсолютное и экологически чистое оружие, по сравнению с которым ядерные боеголовки - дубины неандертальцев.

Физическая картина изменения свойств воды описывалась вполне научно, никакой мистики там не было. Однако академическая наука и уровень мышления наших вождей того времени оказались просто не в состоянии понять и принять работу чудо-генератора - что, может быть, и к лучшему.

Проведенные нами опыты повторить никому больше не удалось. Сам же создатель излучателя жизни (или смерти) умер в конце прошлого века, унеся с собой, подобно Николе Тесле, главные секреты удивительных изобретений.

РГ: А велись ли в подконтрольной КГБ лаборатории работы над абсолютно мирными технологиями, которые не утратили своей актуальности и сегодня?

Шам: Конечно, велись - и они были самыми интересными. Всего мы отобрали и детально исследовали около двухсот инновационных технологий по энергетике, связи, биологии, медицине, сельскому хозяйству и другим направлениям. Причем все технологии как не имели, так и не имеют до сих пор мировых аналогов. Так что фора у России осталась.

Нами была проверена на практике весьма оригинальная агротехнология, основанная на, так называемых, резонансных явлениях. Урожайность на опытных полях повышалась на треть, отпадала необходимость внесения в почву удобрений, использования гербицидов и пестицидов. Хорошие урожаи получались в самых засушливых степях, а на чернозёмах - просто запредельные. Использование этой технологии в животноводстве сулило ещё большие перспективы.

Без каких бы то ни было дополнительных капиталовложений - а только за счёт перераспределения уже запланированных бюджетных средств - Советский Союз мог не только за пару лет решить «неразрешимую» продовольственную программу, но и стать крупнейшим в мире экспортёром самых дешёвых и

абсолютно экологически чистых продуктов сельского хозяйства. Однако даже КГБ оказался бессильным перед косностью агрочиновников.

Впрочем, технологии, опробованные двадцать лет назад, своей актуальности не утратили. Россия готовится вступить в ВТО, где конкуренция в сфере сельского хозяйства особо велика. Многие наши аграрии ждут этого вступления с ужасом. А ведь мы можем оказаться в самом выигрышном положении! В Западной Европе на гектар почвы вносится почти тонна различных удобрений и ядохимикатов. Урожаи стабильные, но содержание химикатов в зерновых, овощах и фруктах запредельное.

Мы же обладаем огромными посевными площадями, способными уже завтра начать давать рекордные и абсолютно экологически чистые урожаи»...

По линии Министерства внутренних дел был установлен контакт с руководителем Центра профессионального отбора и психореабилитации профессором В.М. Звониковым.

Расширился круг наших совместных работ и с оперативными работниками КГБ и МВД СССР.

Особо следует остановиться на моих отношениях с руководителями больших уровней.

По неписанным чиновничьим правилам, любой человек, вновь появившийся в начальственной среде, воспринимается настороженно, а, порой, и враждебно. Удивительно, но меня приняли сразу, за глаза называя «морячок» и помогая во всём.

В Генеральном штабе я подчинялся только его начальнику. Тогда Генштаб возглавлял генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев – умный, мощный, талантливый человек. Он умел собирать вокруг себя незаурядных людей, кем были его непосредственные подчинённые. Они-то и помогли мне очень

быстро разобраться во всех хитросплетениях штабной жизни, с их помощью я быстро вошёл в среду Генерального штаба и завоевал определённый авторитет. Достижения моего коллектива доброжелательно приветствовались, неудачи анализировались, ошибки исправлялись общими усилиями.

Поражало, как быстро и точно эти люди, подstatt своему командиру, оценивали ситуации и реагировали на изменение обстановки. Меня восхищало, что они были подготовлены к новому и непознанному, во что я их вовлекал, доставляя на первых порах дополнительные и неожиданные хлопоты как Моисееву, так и его окружению. Все они видели роль и место моих работ в общей системе Вооружённых Сил. Они не раз подчёркивали при встречах со мной, что история полна примеров, когда полководцы за счёт интеллектуального превосходства выигрывали сражения и даже войны, обладая гораздо меньшими силами, чем противник. Создание же у нас в стране команды гроссмейстеров военного дела на различных уровнях управления войсками, позволит нашей стране переиграть любого противника, минимизируя уровень привлечения вооружения и мобилизационных ресурсов. Безусловно, разговоры носили более серьёзный и обстоятельный характер, но основная идея звучала примерно так, как я описал двумя строчками выше.

Искромётному Моисееву, конечно же, не терпелось посмотреть хотя бы наброски наших программ, однако он меня не подгонял, понимая, что мне нужно время на создание системы работ, включая формирование кооперации учёных различных областей наук и ведомств, в первую очередь, Академии наук и Академии медицинских наук. Большой объём работ взяла на себя

Российская академия естественных наук, впитавшая в себя плеяду талантливых и неортодоксальных специалистов.

Несмотря на всеобщий энтузиазм, люди ожидали и финансовой поддержки. Однако с этим фактором дело обстояло напряжённо. Принятая повсеместно в стране бюрократическая схема организации финансирования работ была так громоздка и неповоротлива, что вопросы решались многими месяцами и годами, что остужало пыл любого энтузиаста. Я был хорошо знаком с этой системой, так как был одним из её «винтиков», работая в Управлении вооружения, и быстрого решения вопросов финансирования работ не ожидал. Чтобы поднять дух людей я пытался вытеснить у них скепсис оптимистическими планами на будущее. Однако всё равно на душе скребли кошки.

И тут, к моей невероятной удаче, я познакомился с тогдашним министром Финансов СССР Валентином Павловым. Это был один из самых грамотных министров в правительстве Советского Союза. У нас сразу сложились открытые и дружеские отношения.

Именно он помог нам в оформлении и подписании необходимых документов.

Мы, конечно, были ему очень благодарны, но предстояли бои с чиновниками на более высоких уровнях: в ЦК КПСС и аппарате Председателя Совета министров.

Но вдруг наш Валентин Павлов становится «Премьер-министром», вторым человеком в стране после Михаила Горбачёва!

Вечером мы об этом узнаём по телевидению, а утром, в 8 часов он уже был в моём офисе для обсуждения одной важной проблемы, которую мы затронули в своей беседе накануне.

Мы не преминули пригубить по капельке коньячку за назначение. А потом Павлов предложил доверить ему дальнейшее оформление наших документов. При этом он попросил организовать выставку наших работ, чтобы наглядно показать направления, методы и средства работы с людьми. Его очень интересовал вопрос: как можно открыть в человеке дополнительные ресурсы, особенно в области интеллекта.

Небольшую выставку я сделал. Её посетили премьер В. Павлов, член Политбюро ЦК КПСС О. Бакланов, некоторые заведующие отделами ЦК КПСС, военачальники, руководители военных академий, ректоры ряда университетов и институтов Москвы. С Олегом Дмитриевичем Баклановым состоялся обстоятельный неспешный разговор, который в большой степени повлиял на дальнейшие направления нашей деятельности. На меня встреча с Баклановым произвела большое впечатление. Государственный ум, научная эрудиция, способность к восприятию самых неожиданных проектов и идей говорили о его высокой природной одарённости и огромном опыте организаторской работы. Думается, что мы тоже не упали в грязь лицом. Я чувствовал, что Олег Дмитриевич одобрил нашу программу, а напоследок он даже дал мне свой домашний телефон с наказом непременно звонить, если потребуется его помощь.

Не прошло и двух месяцев после визитов руководства (рекордно короткий для таких дел срок), как выходит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о том, что моему направлению определяют особое место в программе вооружений с великолепным финансированием.

Более того, Павлов создал такую систему финансового обеспечения наших исследований, которая работала при любом политическом раскладе и любой экономической ситуации в стране. Для проведения исследований и решения ряда других,

специфических для армии задач, денег вполне хватало, и, тем не менее, мы их берегли, тщательно отбирая проекты и проводя конкурсы между исполнителями работ.

Высочайшая квалификация моих сотрудников позволяла ряд работ выполнять своими силами, что также способствовало экономии нашего бюджета.

Мы встречались с премьером регулярно, обсуждали дела, много говорили о жизни и о политике. Павлов слушал всегда внимательно, многое брал на заметку. Работал он на износ, себя не жалел, старался всё делать лучше всех. Дай ему судьба возможность поработать дольше, многое и сделал бы.

После очередного ознакомления с ходом наших работ, Павлов неожиданно для меня произнёс: «А что, если нам взяться за подготовку суперэлиты нашего государства, которая выведет страну на высокие позиции в мире?»

Такая постановка меня не озадачила, так как об этом направлении своей деятельности я тоже подумывал, но в короткие сроки выполнить эту задачу было, конечно же, нереально. Это хорошо понимал и Павлов.

Мы решили разбить работу на этапы. На первом этапе предполагалось создать элитную группу из 20-25 наиболее успевающих студентов Московского физико-технического института и организовать их специальную подготовку.

Павлов понимал, что требуется качественно другой уровень управленцев высшей стратегической пробы - прежде всего он должен:

- мыслить легко и масштабно,
- охватывать образ будущего во всей его полноте,
- владеть научной методологией,

- БЫТЬ ОТЗЫВЧИВЫМ К ИНТУИЦИИ,
- БЫТЬ ГОТОВЫМ К ПЕРЕМЕНАМ,
- БЫТЬ УСТОЙЧИВЫМ К СЮРПРИЗАМ,
- понимать фундаментальные законы мироздания и их преломление в повседневной жизни,
- ценить дружбу и человеческое своеобразие,
- не транжирить личностную энергию на тупиковые решения,
- способен генерировать идеи для решения любой задачи,
- выстроить любую цепочку взаимосвязей, взять любую высоту и миновать западню рискованных искушений, за уступку которым потом будет стыдно.

В созданную нами программу обучения было включено изучение следующих дисциплин:

- Основные принципы государственного управления.
- Теория и психология власти.
- Политическая психология.
- Мастер управления.
- Теория принятия решений.
- Теория прогнозирования.
- Системный анализ (в том числе теория игр, исследование операций, теория вероятностей и др.).
- Моделирование ситуаций, деловые игры.
- Эвристика (правила, стратегии, методы и приёмы, повышающие эффективность оценок и решений), эвристическое программирование.
- Информационные потоки, сети.
- Логика, комбинаторика.
- Психология и технология достижения успеха.

- Технология раскрытия интеллектуальных ресурсов человека (практикум).
- Экономика знаний.
- Суперпамять.
- Скорочтение.
- Быстрый счёт в уме.
- История философии, философское наследие русских мыслителей.
- Геополитика.
- Право (история права, типы правовых систем, римское право).

Надо сказать, что выбор МФТИ в качестве базовой организации был не случаен. В его стенах родилось несколько удачных и неординарных программ, а ряд его сотрудников и наиболее отличившихся студентов уже прошли у нас предварительную школу суперподготовки. Научными руководителями были ректор Николай Васильевич Карлов – редчайший эрудит и интеллектуал высочайшего уровня и профессор Игорь Петров – человек с огромным кругозором и ярким талантом системного аналитика.

Мы с большим энтузиазмом взяли за разработку и апробацию новых учебных программ, отобрали наиболее успевающих студентов и начали в союзе с этими славными талантливыми ребятами отшлифовывать концептуальную часть нашей программы, доводя её до совершенства.

Данная работа и составляла главное содержание первого этапа нашей деятельности.

О других этапах я упоминать не буду, потому что вместе с крушением Советского Союза и арестом Павлова многое так и осталась на бумаге.

При поддержке Моисеева мы продолжали активно работать с военными юристами, следователями Министерства Внутренних Дел, сотрудниками Комитета Государственной Безопасности. Общение с этими людьми вносило дополнительный колорит в нашу деятельность, и вопросы раскрытия преступлений и обеспечения безопасности нашей страны заняли достойное место в нашей работе, способствуя одновременно росту нашего авторитета.

В советское время наши исследования находились в поле зрения ЦК КПСС и Совета Министров СССР. И проблем в проведении работ с так называемым «техническим риском» у нас не возникало.

Некоторые нынешние пропагандисты пытаются представить лидеров советских времён серыми, неотёсанными людьми, способными только на интриги и карьерное вероломство. Однако, мои общения с руководством Вооружённых Сил Советского Союза, Комитета Государственной Безопасности и других ведомств приводили совершенно к другим выводам. Общая и профессиональная эрудиция, смелость в воззрениях, манера и культура общения, способность организовать и реализовать разумную кадровую политику, незлобивость и презрение к интриганству до сих пор могут служить примером для многих современных руководителей, если они вообще в состоянии следовать таким примерам. Их начитанность, пытливость и способность к восприятию необычного вызывали во мне не только уважение, но и уверенность в поддержке моих самых фантастических проектов.

Нам многое удалось сделать, но политически безответственные калейдоскопические изменения в высших

звеньях Министерства обороны сбивали многие планы и заставляли решать помногу раз одни и те же организационные, служебные и научные вопросы. Это затрагивало все структурные подразделения центрального аппарата, в том числе и наше. Правда, что касается нас, то мы часто отделывались «малой кровью», а кадровые чистки среди руководителей и ведущих сотрудников министерства и Генерального штаба обходили нас стороной, несмотря на нашу постоянную близость к высшему руководству, смещаемому вместе со всем аппаратом сотрудников и сподвижников.

Осенью 1991 года Моисеева на посту начальника Генерального штаба сменил генерал Лобов Владимир Николаевич.

Его отличали такие качества, как ответственность, порядочность, дисциплинированность. Владимир Николаевич слыл на редкость деликатным человеком, редко повышающим голос. Его эрудиция, компетентность в вопросах военного строительства, научный методизм, незаурядный ум и проницательность были всем известны и не только в военных кругах. С таким человеком работать было не только очень интересно, но и ответственно. Незнания своего дела, необязательности и равнодушия он не прощал. После его назначения я рвался к нему на доклад, подготовив свою речь и необходимые документы. Однако на докладе я оказался в казусной ситуации. Прослушав меня минуты три, Лобов мягко вмешался в разговор, и дальше я прослушал его блестящую лекцию по проблеме, которой я занимался. Я был почти в шоке и не смог скрыть своего восхищения. Лобов вдохнул новую энергию в нашу работу, структурировав её и чётко обозначив основные направления поисков в условиях новой обстановки. Мне в нём

нравилось всё: и манера говорить, и способность принимать оптимальные решения, и чувство юмора, и стремление постоянно учиться, несмотря на свои феноменальные познания, и нескрываемый интерес к нашей тематике, и желание зайти в мой кабинет, чтобы просмотреть новую военно-научную литературу.

При Лобове я получил звание генерала...

Через несколько месяцев Лобова отправили в запас, и пост начальника Генерального штаба занял генерал Самсонов Виктор Николаевич – очень организованный, сухой и жёсткий человек. Многие генералы говорили, что когда они подходили к кабинету Самсонова, то у них позвоночник буквально покрывался инеем.

Однако я знал его и с другой стороны. Аппарат Самсонова возглавлял мой хороший знакомый - генерал-полковник Виктор Силуянов. С первых же дней моей работы в Генеральном штабе мы нашли с ним общий язык и подружились. На какое-то время он был вынужден покинуть стены Генерального штаба, но с приходом Самсонова он занял должность руководителя его аппарата. Виктор обладал невероятной трудоспособностью, завидной выдержкой и незаурядным умом. Он многое рассказал о нашем начальнике, о том, что у него необыкновенная память и мощный аналитический дар, что он искренне болеет за дело и не способен на подлость и интриганство, что никогда не даст в обиду своих подчинённых,

С такой информацией я шёл на первый доклад к Виктору Николаевичу Самсонову.

Он внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов и окончил аудиенцию без каких-либо наставлений. В процессе краткого доклада я не успел почувствовать его отношение ни к

работам, ни к собственной персоне, но, прощаясь, в рукопожатии я ощутил поддержку и доброжелательность.

В мою душу пришли спокойствие и уверенность в том, что этот человек не только никогда, никому и ни при каких обстоятельствах нас не сдаст, но и будет внимательно вникать в нашу работу, помогая решать возникающие проблемы. Так оно в дальнейшем и оказалось.

Однако прослужить с ним в 1992 году мне пришлось не долго. Последовала очередная смена руководителя Генерального штаба. На эту должность был назначен генерал Дубынин Виктор Петрович.

Очень грамотный в стратегическом отношении командир, пользующийся непререкаемым авторитетом в Вооруженных Силах. Сильный штабист, прекрасный организатор, опытный боевой генерал. И, как показала наша совместная служба, - замечательный, порядочный, скромный человек.

Немного отвлекусь. Мне иногда говорят: «Как же тебе было трудно работать! Какую нервную нагрузку надо было перенести, переживая восемь (!) назначений начальников Генштаба за период своей службы под их руководством! Да ещё занимаясь тематикой, о которой ходит много всяких кривотолков». На это я обычно отвечаю таким образом: «А вы не подумали о людях, которые занимали эти должности? Это сильные, опытные, умные и грамотные генералы, которые взвалили на свои плечи нечеловеческую ношу и сохранили Вооружённые Силы в тяжёлый для страны период политических и экономических катаклизмов. И в ответ на проявленное мужество, бескорыстное рвение и

самоотверженность они, находясь на заметных постах и получив мировую известность, практически вышвыриваются со своей работы в безвестность с нарушением норм морали и закона!».

Горестно это осознавать, но такого ещё не было в богатой на события и волнения истории российского государства. А каково этим людям, их родным и близким, искренним друзьям и сподвижникам, которые, как правило, теряют работу и становятся одиозными вместе со своими начальниками! Штатские лица ещё умудряются устраиваться в разных научных, коммерческих и других структурах. А военачальники и их помощники до сих пор систематически пополняют число «прокажѐнных», которым очень часто не находится достойного места в гражданской жизни.

Итак, весна 1992 года. Кабинет генерала Дубынина. Я сижу у приставного столика напротив очередного начальника. Его спокойный, внимательный взгляд даёт возможность за отведѐнные семь минут изложить всё, что мне хотелось, и оставить время на возможные вопросы. Меня ни разу не перебили и не отвлеклись на раздающиеся, порой, телефонные звонки. Молчали только прямые телефоны Президента страны и министра обороны. Во время доклада мне было очень комфортно: я ощущал, что мой собеседник относится к числу умных и деликатных людей. Томившая меня досада на то, что так и не удалось поработать с Самсоновым, понемногу вытеснялась наполнявшим мой разум ощущением, что сидящий напротив меня человек окажется достаточно компетентным в моих вопросах, и работа с ним доставит большое удовольствие. Так оно впоследствии и произошло. Однако провидению было угодно, чтобы и с Дубыниным совместная работа продолжалась всего несколько месяцев. Он уже к тому времени тяжело болел и, несмотря на героические усилия врачей, после ряда тяжѐлых операций умер. Мы были потрясены – что за наваждение преследовало обитателей кабинета начальника Генерального штаба! Если накануне людей просто отправляли в отставку, то

сейчас дело дошло до смерти. Так можно и при всём нежелании поверить в мистику.

После смерти Дубынина кабинетом овладела мощная фигура Михаила Петровича Колесникова.

Весьма справедливую оценку дал М. Колесникову бывший первый заместитель министра обороны А.А. Кокошин: "Михаил Петрович был высокопрофессиональным военным, обладавшим в то же время общим широким кругозором, хорошим пониманием отечественной культуры, особенно великой русской литературы XIX века. Он обладал огромной работоспособностью, трудолюбием, умением четко поставить очень сложную штабную работу.

Нам удалось установить едва ли не уникальные в истории отечественного военного ведомства хорошие, продуктивные отношения между первым заместителем министра обороны и начальником Генштаба - первым заместителем министра обороны. Этому способствовало то, что мы довольно четко распределили свои сферы ответственности..., но при этом у нас каждый день возникали проблемы Вооруженных Сил на стыке наших полномочий, в том числе и проблемы конфликтного характера, подчас и за счет деятельности некоторых интриганов, которых всегда хватает в такой крупной госструктуре, которой является Минобороны. Но с Михаилом Петровичем всегда было сравнительно легко разрешать конфликтную ситуацию с пользой для дела, он ведь всегда прежде всего думал об интересах России, нашего государства, наших Вооруженных Сил. Он был по-

хорошему консервативным руководителем, не склонным к авантюрам, что, как я считаю, было очень важным в такой исключительно сложный и тяжелый период для нашей страны, наших людей; и особенно для людей в погонах. В первой половине 1990-х годов в моде был радикализм, революционность, за которые нам дорого пришлось заплатить" ...

Колесников был, в какой-то степени, посвящён в мои работы, но, поскольку целой картины не представлял, то относился к ним с большим скепсисом.

Не дожидаясь моей очереди к представлению, он вызвал меня к себе и, слегка кивнув в ответ на моё приветствие, объявил, что мне с моими «химиями» нужно служить в химических войсках, и я должен в недельный срок передислоцироваться в штаб войск химической защиты под начало генерала Петрова, с которым у меня, кстати, были очень доверительные отношения и который мою тематику всячески поддерживал. «Поработай со своим дружкой» - напутствовал Колесников и тут обратил внимание на видеокассеты, которые я держал в руке.

Не то, чтобы любопытство, а, скорее всего, желание немного разрядить обстановку, подтолкнуло его на, как потом оказалось, роковой шаг. Обратив внимание на небольшой пакетик, который я сжимал в руке, он спросил: «А это что?». «Фильмы о направлениях моих работ и основных результатах», нарочито спокойно ответил я, сообразив, что он попался.

-Длинные?

- Да нет: один – минут на семь, а другой – минут на двенадцать.

Я немного схитрил. Первый фильм был на пятнадцать минут, а второй на тридцать пять.

- Ну, ладно. Поставь короткий, - ворчливо бросил Колесников, начинающий понимать, что контроль над событиями он по своей же воле начинает терять.

Мы прошли в комнату отдыха и уселись за стол перед телевизором. Колесников закурил трубку, испуская приятный аромат какого-то незнакомого мне табака, и погрузился в сосредоточенное молчание. Просмотрев первый фильм, он кивком потребовал поставить второй.

По окончании второго фильма он неторопливо подошел к серванту, достал оттуда мандарины и бутылку коньяка.

- Ну что, выпьем?

- Не откажусь.

- А ты ж не пьёшь, - улыбнулся Колесников.

- По такому случаю не грех нарушить и некоторые традиции, - спарировал я.

- А по какому это случаю? – озорно сверкнув глазами, спросил генерал.

- По случаю принятия Вами решения о том, что я остаюсь в Генеральном штабе, и Вы будете нам покровительствовать.

- Придётся – усмехнулся он и вызвал своего помощника – офицера по особым поручениям полковника В. Морозова.

Дав тому распоряжение пропускать меня к нему в любое время, без предварительной записи, Колесников стал подробно расспрашивать о последних днях жизни Дубынина.

Он знал, что моя команда круглосуточно находилась около шефа, стараясь оказать ему посильную помощь, и была, в какой-то степени, участником бригады врачей этого высокопоставленного пациента. Все знали, что болезнь зашла

слишком далеко, но бросать этого замечательного человека в безвыходной ситуации никто не хотел.

Я отметил мужество как самого Дубынина, стоически сносившего жуткие боли, так и его супруги, не отходившей от своего угасающего мужа.

Мы молча помянули Виктора Петровича, и я покинул кабинет начальника Генерального штаба, попрощавшись с его могучим и могущественным владельцем.

Несмотря на позднее время, в моём коллективе никто по домам не расходился. Заметив ещё не сошедшую с моего лица грусть и не понимая её причины, ребята приуныли и замерли в ожидании моего рассказа. Я в подробности не вникал, а только объяснил, что мы продолжаем работать, как работали до сего дня и что наши планы остаются в силе.

Утром я уже был в кабинете Андрея Кокошина – Первого заместителя министра обороны, ответственного за финансирование, в том числе и моих работ.

Надо сказать, что Андрей Афанасьевич с большим вниманием следил за нашей деятельностью и был доволен её ходом и результатами. Он не так давно пришёл в Министерство обороны, но государственный уровень его мышления позволил ему быстро вникнуть в суть порученного ему дела и отметить для себя наиболее перспективные работы.

Кокошин внимательно меня выслушал, попросил почаще его информировать о своих делах и пообещал поддержку.

По распоряжению Колесникова я вдвое увеличил свой штат и начал интенсивную отработку своих методик подготовки военнослужащих.

От желающих принять участие в этой интересной работе не было отбоя. Это и академии, и учебные центры, и научно исследовательские институты, и войсковые части, и многие гражданские учебные и научные заведения.

Одними из первых были лётчики и ракетчики. Так, например, начальник академии ракетных войск стратегического назначения выделил нам, освободив от других занятий, более семидесяти человек.

Вначале работать с этими людьми было непросто. Перед нами в зале во время первой встречи сидели «дети окраин», жившие до поступления в академию скучной и однообразной жизнью маленьких провинциальных посёлков и городков. Этим ребятам хотелось в Москве немного вооружиться новыми знаниями, походить по театрам и вообще подышать чуть-чуть столичной жизнью. Они понимали, что их дальнейшая перспектива – это опять далёкая от цивилизации войсковая часть со всеми «прелестями» гарнизонной жизни и большого энтузиазма к дополнительной нагрузке не испытывали.

Поэтому разговаривать с ними я решил не один. На эту встречу я пригласил наиболее ярких и опытных своих помощников, обладающих даром убеждения и явно выраженным добросердечием. Не скажу, что сразу, но вывести настороженных слушателей на нужную волну мне всё-таки удалось.

Передо мной сидели умные и добрые по своей сути люди, которые пошли на контакт, не понимая ещё до конца сути вопроса.

Дальше работали уже мои помощники. Первые же результаты были поразительными даже для меня, а начальник академии в

эмоциональном порыве написал благодарственное письмо начальнику Генштаба, не дожидаясь окончания занятий.

Ребята отбросили свою скованность, некоторый от стеснения цинизм, стали думать и рассуждать о жизни, мире, писать неплохие стихи и прозу, преимущественно патриотического и философского содержания. Потеплели отношения в семьях. Стал лучше работать их интеллект, усилились мыслительные способности, даже прибавилось физическое здоровье. Многие бросили курить и распрощались со спиртными напитками. В них пробудилась повышенная интуиция и даже экстрасенсорные способности.

Но главное – они стали одухотворёнными, уверенными в своих недюжинных способностях личностями, миссионерами светлых идей, возвышенного отношения к семье и своей Родине. Это была моя сверхзадача!

В разгар занятий, проводимых нами во многих учреждениях, Колесников, внимательно отслеживающий их ход и результаты, как-то сказал, что будущее мира будет принадлежать людям, обладающим высокой моралью, незаурядным умом, культурой и эрудицией. И чем ближе человек находится к Богу, тем дальше он стоит от конфликтов, войн и зла, приносимого завистью, стремлением к безудержной власти, наживе и другими пороками. Я думаю, что в этих словах косвенно прозвучала оценка нашей работы и содержалось благословение на дальнейшие поиски в выбранном нами направлении.

Оценивая сказанное, я был почти уверен, что мой начальник поощряет мои занятия трансцендентальной философией и попытки увязать её с миром, выстроенным научной логикой через наши чувственные ощущения. В то время я завершил обобщение объёмного материала по философии космизма от индийских «Упанишад» и сочинений Платона до Л.Н. Толстого, русских и европейских космистов. Этот материал в виде учебного пособия

использовался при подготовке к занятиям, а также был как-то подарен М.П. Колесникову.

Поэтому он, конечно же, знал ход моих размышлений и суть основных мировоззренческих положений. Не скажу, что он целиком и полностью разделил наши выводы. Но я не торопил события, снабжая его соответствующей литературой. В разработке философской теории я видел большую перспективу и начал верстать Программу работ по формированию новой картины мира, ведущую роль в выполнении которой я отводил Институту философии РАН и Институту государства и права РАН, который возглавлял академик Б. Топорнин – человек с высочайшей репутацией учёного передовых взглядов и необыкновенной эрудиции. К этой работе мне хотелось привлечь также и учёных от различных религиозных конфессий.

Финансовую поддержку я рассчитывал получить в правительстве Москвы области, в котором в то время работали люди, способные глядеть далеко вперёд.

Всё выглядело оптимистично.

Но реалии жизни заставили меня существенно изменить свои планы. Перевалил за экватор 1993 год. В стране назревали грозные события, уже горел Парламент. Правоохранительные органы «зашивались», разыскивая бандитов различных мастей, склады с оружием, наркотиков, вскрывая явки, тайники и перевалочные базы иностранных агентов, наводнивших нашу страну.

Колесников приказал мне отложить основную работу и все силы бросить на помощь сотрудникам государственной безопасности и милиции.

Координация взаимодействия была возложена на генерала Квашнина, занимавшего один из ведущих постов в Генеральном штабе. Тогда-то мы и сдружились. Он отдавал дань нашим

способностям и высокой эффективности работы, мне импонировали его трудоспособность, умение собраться в экстремальной обстановке, а также неординарность мышления.

Контрразведка и милиция по достоинству оценили наше участие и прислали Колесникову хвалебные отзывы. Чуть позже в очень удачной обработке эти документы попали на страницы газеты «Московский Комсомолец», где мы неожиданно для себя увидели истинный масштаб проделанной нами работы...

Только в ноябре-декабре 1993 года с нашим участием правоохранительными органами было проведено **200 операций... Раскрыто 84 преступления, задержан 101 преступник...** (МК от 21 июля 1994 г.).

В конце 1994 года «вспыхнула» Чечня. И начался ужас, закончившийся в 1996 году предательским Хасавюртовским соглашением и, после небольшой паузы, возобновившийся во «Второй Чеченской войне», последнюю точку в которой поставил блестящий полководец и руководитель - генерал Владимир Молтенской.

Война

А.Очирова

*По искорёженным полям
Прошла, как адская машина...
И собрала свой урожай –
И распихала по могилам.*

*Живые с мёртвыми уйдут,
И даже тот, кто не родился,
Уже закончили свой путь.
Их зодиак остановился.*

*И стали кладбищем поля,
Где смерть без меры и без края.
И кровоточила земля,
Годами жертвы возвращая.*

*Но мысли память оживят –
И сатана идёт сражаться,
И ускорители сопят,
Уже готовые взорваться...*

*...Но там, где теплится очаг
И колыбель качалась сонно,
Как Матерь плакала впотьмах
Животворящая икона...*

В начале 1995 года я был вызван к руководству и получил указание лететь в район боевых действий для анализа обстановки и накопления боевого опыта.

Вечером я уже был в Моздоке, а ещё через час распаковывал вещи в уютной комнатёнке небольшой гостиницы в Ханкале.

На улице было прохладно, моросил назойливый дождик, трепал голые ветки деревьев порывистый ветер. Хотелось принять горячий душ и выпить крепкого сладкого чая. Однако нужно было идти в штаб группировки, чтобы представиться командующему, познакомиться с генералами и офицерами штаба и стать на оружейное и продовольственное довольствие. По дороге в штаб меня нагоняет юркий джипик и очень точно окатывает сметанообразной липкой грязью с головы до ног. Это генерал Шаманов – командующий группировкой министерства обороны решил провести «крещение» «московского пижона», как он впоследствии рассказывал, смущённо вспоминая об этой своей озорной выходке. Я понял, что к чему, но не рассердился, так как

уже сообразил, как этот эпизод обратить в шутку, не унижающую Шаманова и не роняющую мою репутацию в глазах штабных офицеров. Слегка очистившись от грязи, я вошёл в кабинет командующего объединёнными войсками... и мы обрадовано обнялись. Это был генерал Вячеслав Тихомиров, мой хороший знакомый и в чём-то близкий мне по своей натуре человек.

После обязательных в таких случаях обменах приветствиями и информацией мы погрузились в программу моей работы, продумывая и обсуждая необходимые мероприятия по её обеспечению.

Было уже далеко за полночь, когда мы решили прерваться и идти в гостиницу, чтобы хоть три-четыре часика отдохнуть. По пути в кромешной тьме на каждом шагу раздавались оклики часовых и патрулей с требованием назвать пароль, и мы, ориентируясь по их голосам, благополучно добрались до своих «квартир».

Не успел я умыться, как раздался стук в дверь. На пороге стоял Шаманов и приглашал в гости на котлеты. Я понял, что Владимир хочет поближе познакомиться и расспросить о жизни в столице. Мы проговорили почти до утра. Шаманов очень хорошо владел обстановкой и был неплохим рассказчиком. Время таяло как снежный ком, и я вскоре перестал его отмечать. Частые общения с Владимиром Шамановым позволили нам лучше узнать друг друга и подружиться. Я полюбил этого харизматичного генерала как брата и всегда думаю о нём с большой теплотой в душе.

Ровно в шесть тридцать мы вышли из гостиницы, и начались мои военные будни на Северном Кавказе – традиционно беспокойном районе Российского государства.

В мою программу входило изучение работы штабов, анализ особенностей этой войны, оценка взаимодействия войск, участие в работе командующих, работа на передовой, полёты на вертолётах и боевых самолётах. Я стремился увидеть всё, чтобы это максимально учесть в подготовке асов войны.

После месяца напряжённой работы я вызвал из Москвы часть своих сотрудников для внедрения их в войска и отработки ряда программ в боевых условиях.

Каково же было моё удивление, когда среди прибывших моих офицеров и служащих я увидел своего сына Антона.

Правда он в то время был уже сложившимся мастером рукопашного боя и неплохим стрелком. Но одно дело - спортивный зал, а другое – условия боя. К тому же он только что окончил институт и готовился к защите диссертации. Так что его приезд никак не вписывался в мои планы. Тем более, что Антон был гражданским человеком и никакого отношения к войне в Чечне не имел.

Времени на разборки у меня не было: мы с Шамановым вылетали в район населённого пункта Ведено, где шёл затяжной бой с боевиками.

Поручив сына первому же попавшемуся на глаза офицеру, я улетел на задание.

Вернувшись через несколько часов в расположение штаба, я затребовал сына к себе в кабинет. Однако мне сказали, что он вместе с полковником Пилипенко, кому я второпях доверил сына, вылетел на подавление банды численностью в тридцать человек, которая напала на одно из селений.

Не надо быть блестящим математиком, чтобы оценить соотношение сил. Но у меня была слабая надежда на Пилипенко, который считался очень искусным и опытным воином.

Прошёл час, от улетевших не было никакой информации, народ в моём кабинете притих, и только раздражающее тиканье настенных часов нарушало тишину, ещё более напрягая наши нервы. Я невольно вспомнил, что совсем недавно погиб сын Тихомирова, попал в засаду и был убит сын другого генерала – Константина Пуликовского, возникла в глазах хрупкая фигурка дежурившей в гостинице Любы Родионовой, чей сын был захвачен в плен и зверски замучен бандитами.

Но тут послышалось в коридоре какое-то оживление, и в кабинет нерешительно входит широкоплечий Пилипенко, подталкивая перед собой моего «Рэмбо» ростом в 177 сантиметров, весом чуть больше 50 килограммов и тонюсенькими руками, нелепо торчащими из закатанных рукавов гимнастёрки.

У них был такой виноватый вид, будто только что они проиграли в преферанс последние деньги из моей зарплаты, а не разгромили вдвоём вооружённую банду хорошо экипированных и обученных людей.

Народ, заполнивший мой кабинет, не выдержал и разразился громоподобным хохотом. За этими мужественными людьми не выдержал и я: смеялся до слёз. Скорее всего, сказалось моё стрессовое состояние.

Разбор боя показал, что оба наших бойца действовали напористо и умело.

В последствии Антон воевал в отряде спецназа ГРУ, неоднократно участвовал в боях и был награждён несколькими медалями.

В Чечне я смог проверить в реальных условиях работу своих наиболее талантливых инструкторов, в число которых входили и женщины.

Об их работе ежедневно докладывалось Колесникову, и он потом представил их к государственным наградам.

Конечно, женщинам приходилось тяжелее, чем мужчинам. Все это понимали и старались хоть в чём-то облегчить их участь. В качестве одного из примеров вспоминается один случай. Девчата прибыли в Ханкалу в подогнанной камуфляжной форме, но на ногах были босоножечки. Увидев это, один из милицейских командиров, жёсткий и суровый на вид парень с риском для жизни под обстрелом съездил в Грозный и привёз им мягкие полукеды, чтобы девочки не мучились и не сбивали свои, привыкшие к изящной обуви, ноги.

Посещая районы боевых действий, я встретился с известным мастером рукопашного боя Сергеем Вишневецким, с которым я

познакомился несколько лет назад, изучая искусство энергетических единоборств.

Он был одним из самых талантливых учеников выдающегося мастера - Алексея Алексеевича Кадочникова – основоположника так называемого «русского стиля» боевого искусства рукопашного боя. Эта великая отечественная школа мастеров боевых единоборств, прародителем и бессменным руководителем которой является А. А. Кадочников, до сих пор является непревзойдённым мировым образцом системы выживания в бою и экстремальных условиях.

В августе 1996 года, получив тяжёлую контузию, я собрался улететь в Москву, но мой самолёт задержал командующий авиацией округа Владимир Михайлов и сообщил, что Колесникова снимают, и на его место ставят известного мне Самсонова. Я недоверчиво посмотрел на приятеля, но, понимая, что с такой информацией не шутят, кивнул в знак благодарности головой и, попрощавшись с командующим, прилёг на диван в салоне самолета, чтобы во время полёта спокойно осмыслить услышанное.

Однако, когда я закрыл глаза, «включился» калейдоскоп событий. В памяти возникали эпизоды встреч и бесед с Колесниковым, сцены редких общений с Самсоновым.

Вспомнились августовские дни, когда в Ханкале, в нашей гостиничке в номере Квашнина сидели С. Степашин (тогда руководитель аппарата правительства РФ), Д. Завгаев (Президент Чеченской республики), А. Квашнин и я и обсуждали возможные последствия захвата ночью боевиками ряда районов в Грозном. Настораживали звонки из Москвы и неопределённость в позиции московского руководства по отношению к случившемуся. Мы начали понимать, что там идёт какая-то работа, в результате которой, судя по полному отсутствию конкретной информации, у нас многое изменится и наверняка не в лучшую сторону. Было

ясно, что первый удар будут нанесен по Завгаеву. Я очень сочувствовал Доку Гапуровичу – мудрому и порядочному человеку, которого на наших глазах предавали самым циничным образом. Я слушал его разговоры с Черномырдиным и дивился чудовищной несправедливости по отношению к Завгаеву и выдержке этого незаурядного человека, который до последних дней своего руководства буквально бился за подлинные интересы своего народа. Хотя я и не выражал эмоций, однако по моему лицу было видно, что я переживаю и стыжусь, наблюдая за творящимися событиями. Степашин понимал всё. Ему, как честному человеку, тоже было противно происходящее. Однако внешне он сохранял хладнокровие, и его доклады в Правительство были взвешенны и обстоятельны. Увидев моё состояние, Сергей Вадимович подсел рядышком и перевёл мои мысли в другое направление, расспрашивая меня о возможных путях военного разрешения ситуации, в которой оказались наши войска.

Вскоре подошёл К. Пуликовский, возглавлявший тогда объединённую группировку войск, и сообщил, что вот-вот прилетит Александр Лебедь, недавно назначенный секретарём Совета Безопасности РФ, и, по его мнению, будет наводить свои порядки, демонстрируя кипучую деятельность по умиротворению в этом регионе России. «Умиротворение» и в самом деле произошло. Но оно было направлено исключительно в сторону федеральных сил, а бандиты и сепаратисты получили полнейшую свободу действий, что позже вызвало необходимость проведения второй военной кампании 1999 – 2000 гг.

Квашнина такая перспектива возмутила, и он начал названивать начальству за объяснениями. Но с ним никто не желал говорить, и мы поняли, что ситуация напрочь «сдана» деструктивным силам, оказавшим решающее влияние на решение Ельцина...

Эти мысли горечью отозвались в моей душе, не давали покоя и вызвали ощущение беспомощности и раздражения по отношению к какой-то неведомой силе, выстраивающей нелепую, а может быть преступную политику.

Усилием воли я отбросил свою кручину и вернулся к разговору с Михайловым и его прогнозу, стараясь понять причины отставки Колесникова и спрогнозировать программу действий Самсонова...

С руководством Генерального штаба так и произошло, как говорил Михайлов. Колесников был снят, и его место занял уже знакомый мне Самсонов.

Но эта новость в оформленном Указом Президента виде застала меня уже в госпитале, где я проходил лечение. Я тут же позвонил руководителю аппарата Силуянову и спросил, что мне делать? Долечиваться или ехать представляться командиру. Тот вскоре перезвонил и сказал, чтобы я над собой не издевался и сколько положено лечился – таково было указание начальника Генерального штаба.

Когда дело пошло на поправку я не выдержал и поехал на доклад к шефу. Самсонов принял меня очень приветливо: расспросил о здоровье, поинтересовался состоянием дел, пожурил за то, что сбежал из госпиталя, и выразил надежду, что ещё поработаем.

Не тут-то было! В мае 1997 года опять убирают Самсонова, теперь уже напару с министром обороны Игорем Родионовым.

Вечером после Ельцинского разноса в адрес И. Родионова и В. Самсонова я получаю информацию, что начальником Генерального штаба будет назначен генерал Квашнин.

Я тут же позвонил генералам А. Квашнину, В. Манилову (первому заместителю начальника Генерального штаба), П.

Дейнекину (тогда Главнокомандующему Военно-Воздушных Сил России) и Сергею Благоволину – Генеральному директору ОРТ – моему верному другу, умнейшему человеку и тонкому политику, и пригласил их в свой офис для анализа обстановки.

Через час после нашего сбора в офис звонит А. Кокошин и, сообщив мне по секрету, что Указ Президента РФ о назначении Квашнина завтра будет подписан, попросил того прибыть к нему в кабинет для беседы по поручению Б. Ельцина.

Мы прождали Анатолия чуть более часа, и, когда нарочито спокойный Квашнин вошёл в комнату, где мы коротали в вялой беседе время, стало ясно, что вопрос решён так как мы ожидали. Устав от треволений, комментировать события мы не стали, поздравили Квашнина с назначением, пожелали ему удачи и уселись перед телевизором, думая о своей будущей судьбе за чашкой крепкого горячего чая...

Утром в кабинете начальника Генштаба уже царил спартанская обстановка, повсюду сопровождавшая Квашнина. Он, пригласив меня к себе, сказал, что ему дали пару дней, чтобы сдать дела в Северо-Кавказском военном округе, и велел мне собираться и лететь с ним.

Вечером мы уже были в Ростове-на-Дону, в штабе СКВО. Передав дела генералу Виктору Казанцеву, Квашнин вечером попрощался с офицерами и генералами штаба и, после скромной «отвальной», мы вылетели в Москву.

Напряжение и ощущение ответственности наблюдались в каждом мускуле и нерве этого отважного человека. Это не был тривиальный страх перед руководством страны или волнение

новичка в своём деле. Квашнин очень хорошо знал, что ему делать. В его голове уже был продуманный план переустройства Вооружённых Сил России. Однако он отчётливо представлял, с какими трудностями ему придётся столкнуться, реализуя свой грандиозный замысел при капризном Президенте, некомпетентном министре обороны и в условиях отсутствия необходимых финансовых и материальных ресурсов.

Обратно летели мы молча. Квашнин размышлял о своих преобразованиях и особенностях работы с высшими эшелонами власти страны. Я наблюдал за ним, пытаюсь прочесть ход его мыслей, рисовал на небольшом листке бумаги возможные схемы организации аналитической работы с новым начальником Генерального штаба и еле слышно обсуждал с офицером по особым поручениям начальника Генерального штаба Михаилом Ивановым свежие политические новости.

Квашнин одобрил моё предложение создать в моём управлении внештатный аналитический центр и во многом опирался на его проработки.

Надо отметить, что работал мой коллектив очень напряжённо. Постоянный поиск нового и отбор наиболее эффективных методов подготовки людей требовал большой отдачи и интеллектуальных усилий. Мы подняли планку чрезвычайно высоко: создать систему формирования гроссмейстеров своего дела, не имеющих себе равных во всём мире!

Эти люди должны были обладать таким набором качеств, который позволил бы им превосходить любого противника во много раз в интеллектуальном развитии, эрудиции, способности оценивать обстановку и принимать решения. И причём уметь эффективно работать в экстремальных условиях напряжённой обстановки мирного, предвоенного периодов и, конечно же, в военное время.

Многие требования к методикам и самим обучающимся казались порой фантастическими, но мы уже познали радость преодоления невозможного, и неслись к своей цели со скоростью космической ракеты.

Однако перенапряжение людей могло сказаться на качестве результатов и в 2000 году мне пришлось провести анализ нашей деятельности с целью поиска дополнительных ресурсов в своём коллективе. Вначале эта задача казалась невыполнимой: люди были так нагружены работой, что никакие дополнительные усилия не привели бы к требуемому результату. Но однажды, просматривая в очередной раз структуру своего подразделения, я вдруг неожиданно пришёл к ошеломляющему для себя выводу: самые яркие, инициативные и талантливые сотрудники были мной же отстранены от творческого процесса, поглощающего большую

часть психических, интеллектуальных и, в какой-то степени, физических сил!

И в самом деле: как мы поступаем с наиболее отличившимися в службе сотрудниками? Повышаем, нагружая административными заботами. А если этот сотрудник ярко проявил себя и на новой должности? То мы опять его повышаем, нагружая ещё более административной работой. И так далее, исключая его всё более и более из творчества и научного поиска, в чём он был наиболее силён и незауряден.

В итоге получается, что, продвигая по начальственной линии с добрыми намерениями наиболее талантливых людей, мы, в конечном счёте, настолько обедняем коллектив в его интеллектуально-творческом потенциале, что вынуждены просить у начальства дополнительные штатные единицы и набирать новых людей, которые, в свою очередь, ещё больше отвлекают нас от дел, так как их надо обучать, контролировать, опекать и т.д.

После небольших размышлений я предложил создать бесструктурное управление, в котором ликвидируются все начальственные должности, кроме моей и моего заместителя.

Начальник Генерального штаба – генерал армии Анатолий Квашнин эту идею поддержал, и в скором времени вышла соответствующая директива.

Теперь в моей команде не только заметно возрос интеллектуальный ресурс, но неожиданно для меня открылся и новый. Появилась ещё одна мощная мотивация. Если до этих преобразований людьми двигали преимущественно профессиональный интерес и энтузиазм, то теперь открылась реальная перспектива большого по своей социальной значимости продвижения по службе. И при этом не надо пересидживать начальников промежуточных рангов. Правда ожесточается конкуренция. Но у сильного сотрудника, как правило, наличествует

и большая уверенность в своих силах и успехах в своей деятельности. Так что «Полный вперед!».

Результат не замедлил сказаться. Возросли не только объём и качество работы. Люди стали более активно искать пути повышения эффективности не только своей деятельности, но и деятельности всего коллектива. Возникла идея внедрения Системы Качества в нашем подразделении. Были разработаны концептуальные подходы, критерии, соответствующие методики, которые дали нам ясное представление о необходимости и возможности работать по-новому. Было налажено взаимодействие с Российской академией проблем качества, предприятиями промышленности, добившимися наибольших достижений в результате внедрения этой системы.

Со стороны нам порой говорили, что Система Качества в управленческой структуре вооружённых сил не имеет самостоятельного значения, так как в своей основе она ничем не отличается от уже сложившегося воинского уклада, опирающегося на уставы, директивы, наставления и приказы командования. В какой-то степени эти вопросы стояли и перед нами, когда мы обсуждали данную идею. Однако Система Качества – это целое идеологически-философское направление нашего мышления и менталитета в целом. И она затрагивает гораздо больший круг служебных и воспитательных вопросов, чем директивные документы.

То, что нам в этом направлении удалось сделать, иначе как прорывом в деятельности административных органов не назовёшь. Внедрив за короткий срок эту систему в своём коллективе и ощутив её огромные достоинства, мы решили создать у себя нечто наподобие центра обучения для офицеров и генералов штабов Вооружённых Сил, а также гражданского персонала из числа

руководителей аппаратов правительства, различных министерств и других аналогичных структур.

**Не мешал бы никто
И не плёл бы никто
Паутину своих вождений.
И прошли б мы легко,
И прочли бы легко
Книгу нашей судьбы повелений.**

Нельзя сказать, что наши начинания вызывали повсюду положительную реакцию. Если Система Качества была для непосвящённых неизвестной и непонятной данью моде, пришедшей к нам из-за рубежа, то наши структурные преобразования многим оказались не по вкусу, а кое-кому показались и вредными, так как подрывали устои десятилетиями сложившейся громоздкой бюрократической системы чиновозвышения и властвования, пусть даже в ничтожных масштабах, но властвования

Поэтому, тут же нашлись «доброжелатели», которые, неся всякую клеветническую несусвятицу, смогли создать в глазах начальника Генерального штаба ужасную картину хаоса, анархии и безответственности, которые, якобы господствовали в моем подразделении.

В результате в один из вечеров начальник Генштаба звонит мне и спрашивает: «Чем вы занимаетесь?! Ты почему мне ничего не докладываешь?!». Признаюсь честно, что я был готов к таким вопросам, так как уже просчитал ситуацию. Поэтому жёсткий тон вопросов меня не только не смутил, но даже, в какой-то степени, обрадовал. Я спокойно ответил, что понимаю, почему мне задаются такие вопросы, но ответ на них лучше искать не по телефону, а лучше прийти самому в моё подразделение и увидеть всё своими глазами.

Квашнин с моим предложением согласился.

На следующее утро я зашёл за ним, и мы последовали в расположение моего управления.

Войдя в коридор управления, вдоль которого располагались кабинеты сотрудников, большие холлы и служебные помещения, Квашнин опытным взглядом оценил идеальную чистоту, ощутил флюиды творчества, инициативы и порядка. Он увидел, что сегодня всё было как и всегда. Никакого «шоу» ему не готовили. Царила привычная атмосфера: сотрудники были собраны, деловиты и спокойно, без смущения, выполняли свою работу, хоть многие из них так близко начальника Генерального штаба ещё не видели. Он почувствовал, что попал на другую планету. Планету высокоорганизованных, умных и просветлённых людей. Более того, он вспомнил, что был причастен к этому сообществу не только как начальник, но как единомышленник и соратник. Ведь многие начинания осуществлялись по его инициативе и при его благословении.

В душе Квашнина появилась та теплота, которая не передаётся словами, но хорошо ощущается людьми, в чей адрес она направлена. Эта теплота оставалась при посещении всех кабинетов, в которые он заходил и где уверенность в себе, спокойствие и дружелюбная атмосфера, царившие среди обитателей служебных комнат, открывали сердце каждому, туда вошедшему.

Я старался во время визита воздерживаться от комментариев, давая возможность сотрудникам проявить свои ум, компетентность и эрудицию.

Начальник это заметил и старался не отклоняться от негласно предложенной мной манеры общения с людьми.

Обсуждение служебных вопросов открыло неиссякаемый источник квашнинского вдохновения, в чём он был

непревзойдённый мастер, и превратилось в полезную дискуссию и творческий мозговой штурм по всему кругу проблем, стоящих перед нами.

Незаметно пролетело отведенное на посещение время. Однако, привычно отмечая его ход, начальнику Генштаба уходить не хотелось. Наконец, он предложил мне пройти в мой кабинет и подвести итоги нашей работы. В свою очередь я попросил его встретиться с сотрудниками в учебном классе, который мы оформили своими руками, и итоги подвести в их присутствии. Квашнин охотно согласился.

В итоге мы получили высокую оценку, а окончание выступления начальника Генерального штаба, в котором прозвучал анализ хода проводимой в стране реформе Вооружённых Сил и международной обстановки со своего уровня информированности и понимания, значительно расширило наши представления о ситуации в стране и мире.

Попрощавшись с сотрудниками управления и сфотографировавшись с ними на память, Квашнин увлёк меня с собой и, заведя в свой кабинет, тут же позвонил начальнику управления кадров Генерального штаба с указанием представить ему на следующий же день документы к награждению медалями за особые заслуги некоторых моих сотрудников. Затем он щедро наделил меня памятными знаками и вымпелами с его подписью с наказом незамедлительно их вручить офицерам и служащим на общем построении.

Вскоре опять звонит начальник Генштаба и говорит, что он подписал приказ о проверке деятельности моего управления и что комиссию возглавляет один из его заместителей.

Кого только не включили в эту комиссию! И инженеров, и вооруженцев, и кадровиков, и офицеров из оперативного управления, и тех, кто формирует штатное расписание. В общем, не

было только представителей продовольственной службы и православной церкви.

Надо сказать, что все без исключения члены комиссии оказались честными людьми и негласное указание некоторых начальников об организации полнейшей обструкции наших работ и управления в целом они выполнять не захотели. Акт получился объективным, деловитым и оптимистичным по отношению к нам.

Заместитель начальника Генерального штаба ознакомил меня с актом, дал расписаться, расписался сам, а затем, пряча глаза, показал свою записку, в которой было написано, что мы занимаемся не известно чем и наш коллектив нужно более чем в два раза сократить, наделив его непонятными, на мой взгляд, функциями. Этот крик души команды злопыхателей в очередной раз показал их несостоятельность, политическую и аналитическую бездарность.

Однако злополучная записка легла на стол Квашнину вместе с актом комиссии. Мы с его заместителем присутствовали при прочтении двух противоречащих друг другу документов, в которых была «забита» утверждающая подпись начальника Генерального штаба. Вначале это меня даже позабавило. Как, думаю, он вывернется из дурацкого положения, в которое сам себя и загнал, так как, безусловно, был в курсе всех дел. Однако тот, ничуть не смущаясь, утверждает... оба документа. Наверное, он понял, что затея «заговорщиков» не удалась, и, чтобы они отстали от него хотя бы на время, подписал эту, уже никому не нужную, бумажку. Ведь основной документ – Акт комиссии был им утверждён.

Выйдя из кабинета шефа, я сделал для себя вывод, что с этой командой большого дела не сделаешь. Для нас наступила другая эпоха: пора великих руководителей прошла. К власти подползали посредственности. Тем более что участь Квашнина уже была предрешена, и он готовился к переходу на новое место работы.

Предчувствуя угрозу начальственного недопонимания и, как следствие, прекращения работ, я начал сворачивать программу своих исследований. Кое-какие наработки я отдал в другие подразделения Минобороны и где, кстати, они получили неплохое развитие, кое-что «заморозил» до лучших времён, а часть работ стал вести самостоятельно совместно с моими, наиболее преданными делу, соратниками.

Приход на должность начальника Генерального генерала Балувеского подтвердил мои предположения и формально затвердил статус-кво: в конце 2004 года вышел указ Президента о ликвидации моего Управления.

Без особых колебаний я на следующий же день после опубликования указа распрощался с «мутерхен-министерией» обороны и стал свободным человеком, получившим возможность жить по своим правилам и законам. Дальше работать в какой-нибудь из государственных или частных структур мне не хотелось. Для меня наконец-то наступила счастливая пора научного и литературного творчества. И наконец-то у меня появилась

возможность более частого общения с моими истинными друзьями, к которым я в первую очередь отношу своих боевых товарищей и необыкновенно талантливых Виталия Левина – выдающегося скульптора, поэта и композитора и Валерия Боровкова – незаурядного учёного с системным мышлением, очень тонкого поэта многопланового жанра и создателя замечательных мелодий многих песен.

В мастерского Виталия нередко собирается элита московской интеллигенции: поэты, композиторы, певцы, драматические артисты, художники и другие, необычайно одарённые люди. В эти дни, а точнее вечера, мастерская становится творческой студией, в которой исполняются новые произведения, обсуждаются творческие планы, намечаются музыкальные, литературные и скульптурные проекты. Его мастерскую в старом домике в Пуговишникове переулке знают многие. Её воспевают в песнях, здесь царит удивительная атмосфера дома, тепла, искренности. Здесь пели свои песни Владимир Высоцкий, Валерий Барынин, Владимир Атлантов, Николай Эрденко, Муслим Магомаев, Тамара Милашкина, Тамара Синявская, Зоя Смолянинова, Георгий Квик, Сергей Глухарев и многие, многие теперь очень известные люди. В этих уютных апартаментах мы слушали замечательные стихи Ефима Друца и, навеянные божественной чистотой, глубиной и романтикой, стихотворные эссе Александры Очировой, спорили и составляли творческие планы с маститым писателем Игорем Минуткой. Здесь звучали чистые голоса Надежды Тишаниновой, Марины Гарбузовой и Марины Янисовой. В этом доме состоялись премьеры многих песен талантливого композитора Владимира Патрушева. Нередко студию посещали Евгений Евстигнеев, Валерий Золотухин, Юрий Сенкевич и другие, популярные в стране люди.

На стене в мастерской висят фотографии друзей с автографами и без, но все - память, хранимая с любовью. Мы давно перезнакомились и очень дорожим нашей дружбой. К тому же общение в дружеском кругу в мастерского Виталия даёт большой заряд к дальнейшему творчеству, а незлобивая, но очень точная критика друзей, привыкших не лукавить ни в жизни, ни в искусстве, способствует росту мастерства и творческой репутации.

Возобновились наши дружеские и научные контакты с замечательной парой: видным современным философом и поэтом

Яном Сиверец Ван Рейземой – потомком рода Рюриковичей и основателем философии планетаризма, и его замечательной спутницей Умут Кемельбековой – талантливым организатором и учёным-космистом».

Сформировались научные отношения с зарубежными учеными и в первую очередь с Европейской академией естественных наук. Развиваются научные связи с итальянскими коллегами, в США и ФРГ создаются научные центры по нашей ведущей теме – философии ноокосмологии.

Набирает обороты недавно созданный интеллектуальный клуб «Команда 10003», не только бережно сохраняющий, но и развивающий традиции и наработки в/ч 10003».

На этих словах генерал завершил свое повествование, сочтя, наверное, что для первой встречи информации вполне достаточно.

Я согласилась с его мысленным заключением и с ним договорилась о выпуске серии брошюр, освещающих наиболее интересные вехи в работе коллектива войсковой части 10003.

Так что продолжение следует...